

"ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ ОДЕССИТОВ" Из новой книги

Майор по имени Меер, или Где размещалось первое одесское варьете

Какие только благоглупости и курьезы не просачиваются в каноническую историю Одессы... Забавно то, что таковые нередко вводятся в научный и бытовой оборот весьма серьезными исследователями — не предумышленно, конечно, а по недоразумению. Вот типичный сюжет.

В одном из первостепенных источников по истории города, книге А. Орлова "Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год", изданной в 1885 году, где речь идет об устроителях общественных развлечений на рубеже XVIII-XIX столетий, упоминаются содержатели "маскератов и увеселительных вечеринок" "купцы: Степан Рожнов и Майор Рейзмани, цесарская (то есть австрийская. — **О. Г.**) подданная, еврейка Рухля Давидова и Анна Львова"¹.

Публичные увеселения имели место, по крайней мере, с начала 1796 года. Об этом прямо говорится в ордере замешавшего в это время де Рибаса генерал-майора Киселева градоначальнику секунд-майору Небольсину от 16 февраля того же года: "Чтобы при случае надобности к публичным зрелищам, в маскарад и подобным тому местам для содержания караула требовать людей от его (градоначальника. — **О. Г.**) дежурства из выбранных в гребцы (то есть базировавшуюся здесь гребную флотилию. — **О. Г.**), заслуженных храбростью против неприятеля, особливо уважения достойных, и чтобы оным за труды было производимо от содержателей публичных мест каждому по 25 копеек".² Оплата за дежурство, к слову, вполне приличная: землекоп, например, получал в эти годы от 40 до 80 копеек за долгий и напряженный рабочий день.³

До 13 апреля 1799 года увеселения дозволялось проводить без уплаты пошлины в городской бюджет, а затем полицмейстера, надворного советника С.Е. Лесли уведомили, что содержатели обязаны заключать годовые договоры с Одесским городским магистратом.⁴ В результате Рожнов и Рейзмани оформили необходимые контракты — соответственно на 100 и 150 рублей. Кроме всего прочего, они обязывались подписками блюсти благопристойность, порядок и тишину, для чего к увеселительным собра-

ниям приставлялся полицейский десятник (гражданский чин), за какое удовольствие в городской доход полагалась всякий раз оплата в 5 рублей. Приглашения на таковые мероприятия оформлялись на карточках с изображениями, но без текста, в противном случае потребовалось бы разрешение цензуры.

В качестве иллюстрации к этому сюжету ссылающийся на материалы Московского архива министерства юстиции А. Орлов приводит следующий эпизод. Однажды купчиха Рожнова подала прошение в муниципалитет, в котором сказано: "Имея от Магистрата свидетельство на устройство увеселительных вечеринок, назначила таковую на 1-е января 1800 г., и когда съехалось уже разного звания чинов, то с приказа полицмейстера Лесли частный пристав, пришедши с несколькими вооруженными солдатами, увеселение запретил, а музыкантов выгнал, а между тем соседке, еврейке Рухле, позволил". По этой причине Рожнова просит возместить ей убытки за разноску приглашений, наем танцовщиц, прислуги, музыкантов, отопление помещений, за свечи, приготовленные закуски, кофе, шоколад, сливки, лимоны. Кроме того, она потеряла деньги, полагавшиеся за входные билеты: собралось 30 лиц мужского пола.

К комментарию этого сюжета мы вернемся ниже, а пока обращаю внимание на то, что из академического издания он в искаженном виде перекочевал в научно-популярные, а далее пошел гулять по страницам газет и сайтам интернета. Так, уже в изданной к 100-летию города авторитетнейшими профессорами императорского Новороссийского университета А.И. Кирпичниковым и А.И. Маркевичем брошюре "Прошлое и настоящее Одессы" прямо указывается на содержателей "маскератов" и увеселительных вечеринок купца Степана Рожнова, майора Рейзмана, Анну Львову и еврейку Рухлю Давидову, у которых "время проводилось за картами, кутежами и развратом".⁵

Относительно последнего пассажа нам совершенно нечего возразить: разумеется, тридцати лихим разночинцам первобытной, мягко говоря, не вполне цивилизованной Одессы (здесь в те времена творились жуткие бесчинства) не оставалось ничего иного в "зале и покоях", где их ожидали арендованные "танцовщицы", уличные музыканты, выпивка и закуска. К слову, в своем обращении Рожнова догадалась не перегибать палку, и просила возмещения затрат "за исключением купленных напитков". По существу же дела тут можно кое с чем и не согласиться. Ну, во-первых, не кажется ли вам, что четыре увеселительных центра для новорожденного города чересчур много? В самом деле, после кончины покровительни-

цы-императрицы Одесса буквально погибала — вплоть до небезызвестной отправки апельсинов к "высочайшему двору" и последовавших вслед за тем милостивых санкций. Но посылка сия была отправлена в феврале 1800 года, а наши обстоятельства связаны с предшествующим периодом очевидного упадка.

Учитывая все это, принялся копаться в архивных документах тех лет, в частности, из фонда Одесского городского магистрата. Здесь сохранилась и часть контрактов, заключенных им по разным поводам: скажем, найма лиц для выпаса скота, принадлежавшего одесским гражданам (вообразите себе, коров выгоняли из пределов нынешних улиц Дерибасовской, Греческой, Екатерининской и проч.), охраны недостроенных сооружений, аренды общественных бань, городских мер и весов, винной продажи и т. д. Тут-то и обнаружился один из интересующих нас контрактов. На поверку оказалось, что упомянутый майор Резмани на самом деле не российский офицер с немецкой фамилией, а еврей Майорка (в русской транскрипции), то есть Меер Рейзман.

3 января 1801 года он заключил договор с "одесским городовым управлением" о содержании в городе "публичных увеселений (кроме благородных) от сего числа впредь на один год с платежом за то в городской доход ста пятидесяти рублей денег, присовокупя к тому и остающуюся за мною в недоимке городовому управлению за содержание в прошлом 1800 году таковых же увеселений тридцать шесть рублей пятьдесят копеек". Контракт предусматривал монопольное право Рейзмана на организацию таковых мероприятий в Одессе и был подписан как им самим, так и городским головой (бургомистром) и бухгалтером. Если же кто-либо незаконно устроил бы публичные увеселения, городские власти обязывались незамедлительно пресекать подобные выходки.⁶

Из этого следует, что Рожновы, очевидно, имели соответствующий контракт на 1799 год, а Рейзман — на 1800-й, оттого полицмейстер по распоряжению городского начальства и запретил Рожновым вечеринку 1 января 1800 года. По данным того же А. Орлова, Степан Рожнов на 31 января 1800 года значится одесским купцом 3-й гильдии, объявившим капитал в 2100 рублей.⁷

Любопытна и информация о параллельных занятиях Рейзмана. 1 июля 1801 года он заключил двухгодичный контракт с городом о монопольном содержании винной продажи на территории от дороги на Овидиополь по Водяной балке до самой Пересыпи, с оплатой по 300 рублей в год. Предприятие это, однако, через месяц было прикрыто, поскольку регламенти-

рующие функции перешли от городского управления к Комитету для отстройки гавани в Одессе (впоследствии — к Одесскому строительному комитету). Комитет же передал питейный откуп в руки другого лица, дворянина Ивана Турчанинова, а потому Рейзман понес убыток. Замечательно, что соответствующее прошение о возврате внесенных в городскую казну наперед 100 рублей написано от имени "одесского купца Майорки Рейзманова жены Рухли Дувидовой"⁸, то есть Рахили Давидовны Рейзман. Вот вам и четыре мнимых содержателя общественных увеселений, каковых на самом деле было двое, причем в очередь: Степан Рожнов с супругой Анной Львовной и Меер Рейзман с женой Рахилью Давидовной.

Возврат денег чете Рейзманов затянулся. В середине апреля 1803 года уже сам "Майорка" ходатайствовал о возмещении понесенного убытка.⁹ Известный в юной Одессе муниципальный деятель, купец Илларион Портнов, и его коллеги рассудили, что успевший поторговать некоторое время спиртным Рейзман получил некоторые дивиденды, а потому определили вернуть ему лишь половинную сумму, то есть 50 рублей.¹⁰

Разобравшись с числом и именами содержателей первых увеселительных заведений, обратимся к местоположению последних, о котором на сегодняшний день нет никаких известий, не считая уже процитированной информации: "залы и покои" Рожновых и Рейзманов соседствовали, то есть помещались в смежных домах. Вопросы, связанные с ранней застройкой города, нередко трудноразрешимы, поскольку первоначальная нумерация кварталов и отдельных мест впоследствии корректировалась. Это в особенности касается Греческого форштата, в котором раздача участков на первом этапе градостроительства только началась. В те годы Одесса была едва заселена, о чем, в частности, свидетельствуют генеральные планы города и их проекты 1802-1803 годов, составленные военным инженером Е.Х. Ферстером.¹¹ Понятно, что "залы и покои", во-первых, должны были находиться в густонаселенном районе, во-вторых, в обширных помещениях, а таковые известны наперечет.

Подсказка неожиданно обнаружилась там, где меньше всего ожидалась. Дело в том, что финансовые документы практически не изымались из ведомственных архивов. Случалось, по прошествии десятилетий (!) какая-нибудь инстанция могла встрепенуться и потребовать отчет о недоплаченных и недополученных казной мизерных суммах. И вот эти-то ретроспективные бюрократические аллюры приводят к фиксации крайне любопытных фактов.

Так, в начале апреля 1823 года в Одесском строительном комитете вдруг вспомнили, что дом престарелой вдовы коллежского секретаря Мунтянова уйму лет числится в залоге по взятой покойным ее супругом в 1804 году ссуде в 1.500 рублей. Из этого долга было выплачено 1380 рублей, а затем еще 60. Позже, по старости и бедности домовладелицы, выплату оставшихся 60 рублей отсрочили на два года. Сюжет затянулся, а между тем Мунтянова считает, что не только ничего не должна Комитету, а даже переплатила, ибо когда-то "полиция не доставила в Комитет 100 рублей, взысканных с жидовки Рухли за наем дома".¹² Николай Мунтянов — один из первых жителей Одессы, секретарь городского магистрата в конце XVIII столетия, его имя, между прочим, значится в прошении почтенных одесситов императору Павлу I при небезызвестной посылке 3000 померанцев.¹³ Как и многие первопоселенцы, был он человеком весьма предприимчивым, его даже пытались уличить в каких-то взятках уже в 1798 году.¹⁴

Но вернемся к его дому, который и арендовала Рухля Рейзман. Вспоминая детство, Михаил Феликсович де Рибас, в частности, рассказывает: "Мы остановились в Одессе (события относятся к середине 1810-х годов. — **О. Г.**) в одном беленьком домике, принадлежавшем г. Мунтянову и находившемуся на углу Коблевской улицы и Соборной площади, где теперь дом Вейнберга. По поводу постройки этого беленького домика мне рассказывал мой отец довольно курьезный анекдот, глубоко врезавшийся в мою память. Когда собор во имя Святого Николая был окончен (в 1808 году. — **О. Г.**), то его преосвященство архиерей екатеринославский Гавриил прибыл для освящения. Гавриил был известен высокими качествами сердца и блестящим красноречием (...). После освящения храма архиерей и все присутствовавшие на церемонии были приглашены в дом Мунтянова, который был тогда старостою при соборе и присутствовал при его сооружении. Во время завтрака преосвященный вдруг сказал: "Я всегда верил в чудеса, творимые святым Николаем, но теперь воочию убедился в их действительности". На вопросы присутствовавших он отвечал: "Да как же! Разве это не чудо, что камень, лес и железо перелетели с места постройки храма на сие место и сами выстроили этот дом!". Все рассмеялись, а сам Мунтянов счел долгом улыбнуться".¹⁵

Именно в этом доме на Соборной площади впоследствии проживала вдова Мунтянова (Греческий форштат, VIII квартал, место № 85), ныне это второе место от угла Коблевской улицы в направлении Садо-

вой, дом не сохранился. Должен заметить, что двусмысленная шутка епархиального архиерея скорее задевала не столько Мунтянова, сколько попечителей сооружения храма — надворного советника Андрияша и капитана Алексева, которые полностью контролировали ход строительства.¹⁶ Все бы хорошо, и местоположение "покоев и залы", содержавшихся четой Рейзманов, можно было бы считать установленным, если бы мы не знали о том, что дом этот строился или достраивался примерно синхронно с собором, то есть меж 1803-м и 1808-м годами. Тут все сходится: рядом, на углу будущей Садовой улицы, в то время находился и весьма приличный дом упомянутого Андрияша, который позднее арендовался городом для размещения Благородного девичьего института. Быть может, "маскераты" устраивались в первичной постройке, которую Мунтянов просто-напросто перестраивал — частично или полностью?

Похоже, так оно и было. Действительно, из "Книги Одесского городского магистрата о записке купчих крепостей 1799 года" мы узнаем о том, что "3 сентября 1799 отставной поручик Михайла Кривчиков продал городскому секретарю Мунтянову собственный свой дом каменный, покрытый дранью, о десяти покоях, 15 на 30 сажень, двор с землянкою одною и сараем". Более чем достойное для Одессы тех лет здание, и при этом в числе соседей значится и упомянутый Андрияш¹⁷. Михаил Кривчиков, известнейший прораб Строительного комитета, также один из первопоселенцев Одессы.¹⁸

На плане Одессы, составленном городским архитектором Фраполли в 1807 году, половина квартала по Соборной площади, от Садовой до Коблевской, действительно обозначена уже застроенной довольно солидными сооружениями.¹⁹ И снова закавыка: на упомянутом плане Ферстера (1802) это место, как и соседние, показано еще свободным, и только второй-третий участки со стороны Садовой заняты готовыми домами. Это можно объяснить тем, что на момент составления городского генерального плана дома Мунтянова и Андрияша как раз капитально перестраивались по причине, остроумно обозначенной преосвященным Гавриилом. Во всяком случае, согласно архивным документам, 18 июня 1804 года этот дом коллежского секретаря Мунтянова был принят в залог как существующий по свидетельству Городского магистрата, причем владелец получил под него солидную ссуду.²⁰

Примечания

- ¹ А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885, с. 75.
- ² К.Н. Смольянинов. История Одессы. — Одесса, 1853, с. 72.
- ³ А. Орлов, там же, с. 97.
- ⁴ Государственный архив Одесской области (ГАОО), ф. 17, оп. 3, д. 185; дело не сохранилось, однако его название говорит само за себя: "Об обложении налогом находящихся в Одессе домов публичного увеселения. 1799-1800".
- ⁵ Прошлое и настоящее Одессы. — Одесса, 1894, с. 18.
- ⁶ ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 52.
- ⁷ А. Орлов, там же, с. 126.
- ⁸ ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 2А, л. 75.
- ⁹ Там же, л. 76.
- ¹⁰ Там же, лл. 77-78.
- ¹¹ ОГИКМ, инвентарный № К-600.
- ¹² ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 283. лл. 403-404.
- ¹³ К.Н. Смольянинов. История Одессы. — Одесса, 1853, с. 111; А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885, с. 53.
- ¹⁴ ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 32.
- ¹⁵ Из прошлого Одессы. — Одесса, 1894, сс. 352-353.
- ¹⁶ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 99 и др.
- ¹⁷ ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 15, лл. 4-5.
- ¹⁸ А. Орлов, там же, с. 131 и др.
- ¹⁹ ОГИКМ, инвентарный № К-602.
- ²⁰ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 283, лл. 403-404.

